

Объ одномъ пастырѣ.

Подъ 54°3' сѣв. шир. и 6°48' восточ. долг. отъ Пулкова расположенъ маленькій городокъ Крапивна на небольшой возвышенности, поднимающейся надъ рѣками Плавою и Упою при впаденіи первой во вторую. На низкихъ берегахъ рѣкъ—за Упою находится деревня Орлово, за Плавою—рядъ свободъ. Всѣ эти селенія въ религиозномъ отношеніи связаны съ Крапивной, такъ какъ принадлежать къ ея приходамъ. Когда возникла Крапивна, неизвѣстно. Мѣстное преданіе, кажется, уже забытое или полузабытое теперешними поколѣніями, повѣствуетъ, что на мѣстѣ теперешней Крапивны нѣкогда поселились два старца—Юдко и Бѣлая Борода, и отъ нихъ пошло крапивенское населеніе, въ значительной мѣрѣ до послѣдняго времени состоявшее изъ Юдиныхъ и Бѣлородовыхъ. Въ документахъ Крапивна встрѣчается рѣдко. Въ завѣщаніи Димитрія Донскаго 1371 г. Крапивна отказывается имъ женѣ: „а-се даю своей княгинѣ свой промыселъ Скирменовскую слободку..., Крапивну съ бортники“ Слободы (Московская, Казачья, Пушкарская, Жилая) возникли повидимому въ правленіе Грознаго въ цѣляхъ борьбы съ татарскими набѣгами. Въ 1587 г. Крапивна была выжжена Крымскими татарами. Въ 1708 г. Крапивна вошла въ составъ Московской губерніи, въ 1719 г. была образована Тульская провинція, и Крапивна стала Тульскою. Въ 1796 г. при учрежденіи Тульской губерніи Крапивна осталась за штатомъ, но въ 1802 г. она была вновь назначена уѣзднымъ городомъ и остается имъ до сего дня, хотя опасность стать доштатнымъ городомъ угрожала ей и во второй половинѣ XIX столѣтія. Она была обойдена желѣзною дорогою, прошедшею около имѣній гр. Л. Н. Толстого, кн. Гагарина; земскія учрежденія

нѣкоторое время были въ селѣ Сергіевскомъ (имѣніи князя Гагарина). Желѣзной дороги у Крапивны нѣтъ и теперь, но земскія учрежденія и все, что полагается захудалому уѣздному городу, она имѣеть.

Къ западу и сѣверу отъ Крапивны идетъ Засѣка. Такъ она имѣеть около себя и лѣса и рѣки, сама она утопаетъ въ садахъ, а ея улицы густо засажены тополями. Въ Крапивнѣ много яблокъ и немало цвѣтовъ. О природѣ Крапивны и ея уѣзда легко себѣ составить понятіе по многимъ описаніямъ Тургенева и стихотвореніямъ Фета. Л. Н. Толстой даетъ описаніе Ясной Поляны въ Аниѣ Карениной, но отъ его описанія не получается вполнѣ того впечатлѣнія, которое дается мѣстной природой и которое получаемъ, читая „Записки охотника“, „Дворянское гнѣздо“, „Рудина“ Тургенева или Осень и др. Фета (см. приложение къ Нивѣ 1912 г.—стихотворенія Фета, Т. I, кн. 2, стр. 274 слѣдующ.). И Тургеневъ и Фетъ—не туляки, а орловцы, но Мценскій уѣздъ недалекъ отъ Крапивненскаго, да и писатели эти знали Крапивненскій уѣздъ.

Въ политическомъ отношеніи Крапивна всегда входила въ составъ Руси. Этого нельзя сказать о сосѣднихъ съ нею городахъ. Одоевъ въ XV столѣтіи (до 1494 г.) былъ литовскимъ, Тула въ XIV вѣкѣ одно время была татарскою. Въ религіозномъ отношеніи Крапивна изстари является православною. Несомнѣнно, на ея мѣстѣ жили еще люди курганнаго племени (около самаго города находится курганъ), жили затѣмъ финны (финскія названія рѣкъ: Плава, Солова), жили вятичи до принятія ими христіанства, но все это было давно и слѣдовъ языческихъ вѣрованій въ ней совсѣмъ не сохранилось; остались суевѣрія, но это другое дѣло. Иновѣрцы и христіане инославныхъ исповѣданій, представляющіе собою элементъ пришлый, не составляютъ и 3% городскаго населенія, только случайно являлись здѣсь раскольники, нисколько не колебавшіеся обращаться къ православному духовенству, о сектантахъ здѣсь не слышно; поэтому благочинный—предшественникъ того пастыря, о которомъ будетъ рѣчь,—писаль въ годовыхъ отчетахъ: „въ Крапивнѣ нѣтъ никакого толка“.

Календари очень льстятъ Крапивнѣ, опредѣляя количество населенія ея въ 6 или даже 7 тысячъ человекъ. На

Протоіерей
Сергій Івановичъ Тлаголевъ.
(† 16 іюля 1916 г.).

самомъ дѣлѣ населеніе ея въ настоящее время не доходитъ до 3 тысячъ человѣкъ. Цифры, превосходящія три тысячи, получаютъ отъ сложенія населенія города съ населеніемъ слободъ и деревни Орлова. Но какъ ни мала Крапивна, изученіе ея и подобныхъ ей городовъ въ бытовомъ, экономическомъ и религіозномъ отношеніяхъ представляетъ не малый интересъ и немаловажное значеніе. Этотъ маленькій городокъ представляетъ собою одну изъ тѣхъ клѣточекъ, изъ которыхъ состоитъ государственный организмъ Россіи и тѣло русской православной церкви. Его исторія отразила на себѣ исторію Россіи, въ его настоящей жизни въ миниатюрѣ отражается все то, чѣмъ живетъ, чѣмъ волнуется и къ чему стремится Россія. Поэтому и исторія отдѣльныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ вліяла на судьбы Крапивны, не можетъ не имѣть интереса и значенія. Однимъ изъ таковыхъ былъ недавно почившій пастырь—протоіерей Сергѣй Ивановичъ Глаголевъ.

Сергѣй Ивановичъ Глаголевъ родился 21 сентября 1839 г. Онъ былъ младшимъ сыномъ діакона села Богучарова, (Алексинскаго уѣзда, Тульской губ.), Ивана Ивановича Глаголева. Семья была небогатая, богобоязненная, трудолюбивая. Глубокая религіозность, безусловная покорность волѣ Божіей, способность довольствоваться немногимъ и работать не покладая рукъ, вотъ что характеризовало отца и мать, трехъ дочерей и двухъ сыновей семьи. Можетъ быть, это и не специфическія черты семьи, можетъ быть, ими характеризовались многія семьи духовныхъ того времени. Но теперь иныя времена. И слушая рассказы объ этихъ людяхъ давнихъ годовъ и наблюдая оставшихся живыми изъ нихъ, удивляешься ихъ смиренно спокойному отношенію къ тому, что мы называемъ несправедливостью судьбы и людей, удивляешься ихъ нетребовательности. Эти духовные стараго времени работали всю жизнь въ храмѣ нерукотворенномъ—на лонѣ природы, вели свое хозяйство—небольшое по объему, немудреное по техникѣ; въ храмѣ рукотворенномъ они служили духомъ—Богу истины, совершали священнослуженіе, приносили Богу молитвы и они умѣли молиться. Какъ хозяйственное обученіе, такъ и религіозное воспитаніе въ старыхъ духовныхъ семьяхъ дѣти получали дома.

Школа, въ которой они учились, имѣла мало отношенія

къ жизни: хозяйству она не учила, скорѣй отъ него отучивала; нечего, конечно, говорить о томъ, что не школа учила и молиться. Перефразируя Пушкина, позволительно выразиться, что школа учила мыслить и страдать. Никакихъ положительныхъ знаній она не сообщала, ничѣмъ реальнымъ не увѣличивала она и способностей и трудолюбія, но она, несомнѣнно, развивала формально, а того, кто противился этому развитію, она научала терпѣнію. Въ эту школу—въ Тульское духовное училище—Сергѣй Ивановичъ поступилъ въ 1850 г. Въ 1854 году онъ перешелъ въ семинарію (безъ пріемныхъ экзаменовъ). Въ противоположность ученикамъ училищъ, семинаристы назывались тогда учениками благородныхъ наукъ. Въ семинаріи Сергѣй Ивановичъ сталъ уже самъ содержать себя, давая уроки. Въ 1860 году онъ ее окончилъ съ званіемъ студента. Тяга въ высшія школы тогда была весьма слабою. О свѣтскихъ заведеніяхъ имѣли очень смутное понятіе, а академіи не могли влечь къ себѣ. Въ школу идутъ для познанія истины, но тогдашніе семинаристы были людьми вѣрующими, истину они знали, и академія могла представляться имъ лишь какъ учрежденіе, разрешающее второстепенные и третьестепенные вопросы, а не вопросы жизни. Не сулила академія и благъ житейскихъ. Профессоръ семинаріи былъ такъ же бѣденъ, какъ и сельскій діаконъ. Академія могла привлекать тѣхъ, кто, по апостолу, желалъ епископства, но и епископство давалось не скоро.

Со школою у С. И—ча не было связано никакихъ скорбныхъ или непріятныхъ воспоминаній, но недостатки ея онъ сознавалъ ясно. Когда при немъ одинъ священникъ по поводу очерковъ бурсы Помяловскаго, сказалъ: „онъ описалъ только темныя стороны бурсы, но не коснулся свѣтлыхъ“, С. И—чъ спросилъ съ улыбкою: „а въ чемъ они заключались?“ Изъ его личныхъ воспоминаній вытекало, что тогдашніе жрецы науки не могли воспитывать своихъ питомцевъ, потому что сами были невоспитаны и жили далеко не въ тѣсномъ общеніи съ культурой. Мало помогало должно быть и сокращенное изложеніе правилъ благоприличія и вѣжливости, помѣщенное въ грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго. Не могли тогдашніе жрецы науки и учить многому изъ того, чему обязаны были учить. Учителя духовныхъ училищъ не знали ариѳметики и географіи. Не было учеб-

никовъ, не было картъ, не было книгъ географическаго содержанія. Математической географіи учитель не понималъ самъ, сообщеній физической географіи онъ не представлялъ, въ его кругозорѣ, вѣдь, помѣщались только родное село, можетъ быть какой-нибудь уѣздный городъ да Тула. Ариметика повидимому была просто естественною. Приведеніе дробей къ одному знаменателю было Рубикономъ, предъ которымъ останавливались не только ученики, но и посѣдѣвшіе въ наукѣ педагоги. Учили въ духовномъ училищѣ русскому, латинскому и греческому языкамъ, учили недурно, хотя и не читали и не переводили ни русскихъ, ни латинскихъ, ни греческихъ классиковъ.

Въ семинаріи наукъ было множество. Кромѣ общеобразовательныхъ, древнихъ языковъ и богословскихъ преподавались сельское хозяйство, медицина, геодезія, новые языки. Геодезистъ, онъ же, понятно, математикъ и физикъ, носилъ прозвище „поршень“,—намекъ на существованіе воздушныхъ насосовъ въ физическомъ кабинетѣ, опыты съ электрической машиной ему не удавались систематически, и это явленіе онъ объяснялъ кратко: „отсырѣла“. Знакомство учениковъ съ математическими терминами выражалось въ томъ, что они праздничные пироги звали логариемами. По медицинѣ преподаваніе сводилось къ пріятнымъ разговорамъ: „а что будетъ, если я съѣмъ лягушку?“ и т. п. Все это, конечно, неудивительно, но удивительно, что патристика, входившая тогда въ циклъ философскихъ наукъ, совершенно игнорировалась. Священное Писаніе и Церковная исторія считались второстепенными предметами. Въ риторикѣ главнымъ дѣломъ повидимому было писаніе хрій, въ философіи—серьезное мѣсто отводилось логикѣ, въ богословіи увѣнчивала зданіе Догматика (Антонія). Тогда появились архіеп. Иннокентія—последніе дни земной жизни Христа Спасителя и большая догматика Макарія. Профессоръ Новаго Завѣта и догматистъ читали ученикамъ эти книги на урокахъ. Экзамены тогда были не для учениковъ только, но и для профессоровъ, какъ именовались тогда семинарскіе педагоги. Ректоръ дѣлалъ заключенія о наставникахъ, архіерей пріѣзжалъ прямо съ цѣлью ознакомиться съ ними. На экзаменахъ при архіерей спрашивались не всѣ, а по выбору. Экзаменъ отчасти имѣлъ видъ спектакля. Епископъ отъ времени

до времени высказывалъ какія-нибудь положенія, семинарское начальство и преподаватели по его приглашенію высказывали мнѣнія, лучшіе ученики отжаривали билеты, середина и низы играла роль зрителей. Было тогда все своеобразно. Такъ, одинъ изъ товарищей С. И—ча, въ послѣдствіи его сослуживецъ, почему то рѣшилъ, что его не спросятъ на предстоящемъ экзаменѣ съ архіереемъ, но какъ человѣкъ любознательный онъ отъ экзамена не уклонился, а рѣшилъ явиться на него и послушать отвѣты коллегъ и рѣчи экзаменаторовъ, но рѣшилъ онъ слушать съ комфортомъ: принесъ съ собою тулупъ, разложилъ его на задней партѣ и легъ, будучи незримъ для экзаменаторовъ. Здѣсь полеживая съ пріятностью на мягкой овчинѣ, онъ впитывалъ въ себя мудрость экзаменаціоннаго стола и вдругъ услышалъ, что къ этому столу вызываютъ его. Растерявшись отъ неожиданности, онъ надѣлъ тулупъ на себя и въ этомъ видѣ подошелъ къ столу испытаній. Дѣло было петровскимъ постомъ. Ректоръ, увидѣвши странную фигуру, не растерялся, но обратившись къ архіерею, сказалъ: „вотъ—Ваше преосвященство, хорошій ученикъ, но страдаетъ лихорадкою, сегодня у него приступъ болѣзни“. „А, сказалъ Владыко, ну Богъ съ нимъ, пусть идетъ домой“.

Но какъ ни какъ, формальное развитіе школа давала хорошее. Любопытно, что семинарія той эпохи, не давая своимъ ученикамъ фактическихъ знаній, не развивала въ нихъ склонности къ резонерству, бесплодному философствованію, празднымъ и горячимъ спорамъ. Напротивъ, у многихъ питомцевъ тульской семинаріи того времени—теперь уже сошедшихъ въ могилу—можно отмѣтить спокойную вдумчивость по отношенію къ тому, что имъ сообщалось, готовность прежде всего познакомиться съ фактомъ, поэтому шестидесятые годы и не захватили ихъ въ расплохъ. С. П—чь оканчивалъ курсъ семинаріи съ сознаніемъ, что и семинарія въ своемъ настоящемъ видѣ должна оканчивать существованіе и быть преобразована по существу и по формѣ. Четверть вѣка спустя по окончаніи курса онъ съ удивленіемъ узналъ отъ своихъ сыновей, поступившихъ тогда въ Московскую духовную академію, что тамъ существуетъ институтъ старшихъ. Онъ сказалъ: „это—учрежденіе, которое было устарѣлымъ въ духовныхъ семинаріяхъ еще въ 50-хъ годахъ.“

Это—анахронизмъ, который долженъ исчезнуть“. Дѣйствительно, этотъ анахронизмъ, поддерживавшійся въ Академіи допотопными ректоромъ Смирновымъ и инспекторомъ Горскимъ, исчезъ вмѣстѣ съ ними осенью 1886 г. У студентовъ того времени это событіе получило названіе „сверженія 18 тирановъ“, но оно не заслуживало столь громкой клички.

Поучительною особенностью Сергѣя Ивановича является то, что онъ не опредѣлялъ самъ путей своей жизни. Отъ Господа пути направляются. И Сергѣй Ивановичъ ждалъ воли Господней, во всю свою жизнь онъ ничего не искалъ для себя. Онъ бралъ то, что ему давали, и исполнялъ свой долгъ.

Но относительно того, какое служеніе его ожидаетъ, онъ не имѣлъ сомнѣній. Въ домѣ его отца была икона свят. Николая Чудотворца на деревянной доскѣ стариннаго написанія. Потомъ эта икона находилась въ домѣ Сергѣя Ивановича. Она была предметомъ особаго почитанія со стороны маленькаго Сережи, онъ видѣлъ сны, въ которыхъ эта икона и свят. Николай являлись ему въ особомъ осіяніи. Въ одномъ изъ такихъ сновъ свят. Николай сказалъ ему: „ты будешь служить мнѣ“. Отецъ, которому маленькій сновидѣцъ рассказывалъ свои сны, рѣшилъ: „ну, видно, Сережа, быть тебѣ священникомъ въ храмѣ свят. Николая Чудотворца“. И Сергѣй Ивановичъ не сомнѣвался въ этомъ. Но случилось какъ будто не такъ. По окончаніи курса онъ отправился домой къ своему родителю. Тогда учебный годъ кончался послѣ половины іюля. Не долго Сергѣю Ивановичу пришлось пробыть на родинѣ. Изъ города Крапивны, гдѣ у него былъ товарищъ по семинаріи, ему пришло предложеніе занять священническое мѣсто, женившись на сестрѣ этого товарища. Тогда, какъ это отчасти въ духовномъ сословіи существуетъ и теперь, за невѣстами давались мѣста и, сверхъ этого, въ приданое за невѣстами давали сиротъ. Сергѣй Ивановичъ принялъ предложеніе, на мѣсто онъ опредѣленъ былъ.

Но опредѣленъ онъ былъ къ кладбищенской церкви Всѣхъ Святыхъ и не переставалъ оставаться увѣреннымъ, что служеніе его ожидаетъ не здѣсь. Такъ и произошло. Онъ не служилъ совсѣмъ въ церкви Всѣхъ Святыхъ. Въ Крапивнѣ освободилось мѣсто въ Соборной Николаевской церкви, за мѣстомъ этимъ давалась сирота, дочь діакона, но и рангъ

сироты и слабо кончившіи семинарію женихъ въ глазахъ епископа не подходили къ собору. Онъ далъ жениху мѣсто въ церкви Всѣхъ Святыхъ, а Сергѣя Ивановича перевелъ въ соборъ.

Въ это время епископъ Алексѣй (Ржаницынъ) былъ переведенъ изъ гор. Тулы. Сергѣю Ивановичу пришлось за посвященіемъ ѣздить въ Рязань, гдѣ онъ и былъ рукоположенъ во священника архіепископомъ Смарагдомъ 26-го октября 1860 года.

Много вѣстнаго разсказывается объ этомъ святителѣ, но Сергѣй Ивановичъ сохранилъ о немъ доброе воспоминаніе. Преосвященный Смарагдъ не задержалъ его въ Рязани и дѣло посвященія совершилъ очень скоро. Контрибуціи съ Сергѣя Ивановича взято не было. Бывшіе вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ у архіепископа Смарагда рязанскіе духовные и ставленники говорили: „ишь какъ онъ хорошо обращается съ чужимъ, а съ своими не церемонится“. Они даже объясняли это желаніемъ архипастыря пріобрѣсти себѣ добрую славу въ чужой епархіи. Посвятивъ Сергѣя Ивановича, архіепископъ Смарагдъ сказалъ: „поминай меня всегда послѣ отца и матери“. Завѣтъ этотъ былъ исполненъ. Впоследствии и другимъ духовнымъ о. Сергѣй указывалъ, что хиротонисовавшаго ихъ епископа имъ нужно помянуть послѣ родителей.

Сергѣй Ивановичъ былъ глубоко религіозенъ, его православную вѣру не колебали никакія вѣянія, но его религіозность не была показною. Постороннему наблюдателю онъ порою могъ показаться даже холоднымъ къ вѣрѣ, онъ спокойно выслушивалъ отрицательные взгляды на вѣру, христіанство, православіе, радушно принималъ въ своемъ домѣ иновѣрцевъ и инославныхъ, никогда не проявлялъ религіознаго фанатизма и формализма. Со стороны нельзя было замѣтить, что въ основѣ его жизненнаго уклада была религія, потому что религіозность не подчеркивалась во внѣ. не проявлялась рѣзко въ домашней обстановкѣ. Многіе русскіе беллетристы, изображая священниковъ, приписываютъ имъ елейность, постоянные церковнославянскіе обороты рѣчи. Это совершенно невѣрно. Такихъ священниковъ очень немного, если только они есть. Не былъ такимъ и Сергѣй Ивановичъ. Не было въ немъ и религіознаго легковѣрія.

Къ сообщеніямъ о чудесахъ, явленіяхъ онъ относился съ крайнею осторожностію. Когда одинъ аеонскій монахъ, бывшій лютеранинъ, питомецъ Дерптскаго университета, сталъ описывать ему современный Аеонъ, какъ обитель чудесъ, онъ ему далъ понять, что такія описанія могутъ привести и къ соблазнамъ и печальнымъ послѣдствіямъ, и тотъ тогда сталъ откровенно описывать Аеонъ такимъ, каковъ онъ есть, съ его святыми и съ его темными сторонами. Но относясь осторожно къ фактамъ и сообщеніямъ о фактахъ, онъ твердо вѣрилъ и въ пути Провидѣнія и въ его знаменія и указанія. Объ одномъ его знаменательномъ снѣ было разсказано. Точно также онъ утверждалъ, что въ сновидѣніяхъ былъ увѣдомленъ о кончинѣ своего отца (въ 1861 г.) и матери (въ 1878 г.). Оба сновидѣнія были, кажется, похожи. Во снѣ онъ видѣлъ себя лежащимъ въ постели. Въ его спальню входитъ его старшій братъ Андрей Ивановичъ, бывшій священникомъ недалеко отъ мѣста служенія ихъ отца. Лицо о. Андрея серьезно и печально. „Ты что братъ?“—спрашиваетъ Сергѣй Ивановичъ. Андрей Ивановичъ заявляетъ, что имѣетъ сдѣлать ему важное сообщеніе, но „вѣтъ, я не могу,—говоритъ онъ,—я лучше тебѣ напишу“. Онъ садится писать письмо. Сергѣй Ивановичъ видитъ это письмо, сообщающее ему въ одномъ случаѣ о смерти отца, умершемъ на мѣстѣ своего служенія, въ другомъ — о смерти матери, скончавшейся въ домѣ о. Андрея. Утромъ, проснувшись, Сергѣй Ивановичъ высказываетъ предположеніе о правдивости сна, и сонъ дѣйствительно немедленно оправдывается.

Сергѣй Ивановичъ 21 года сталъ настоятелемъ соборной церкви въ г. Крапивнѣ (тамъ былъ еще другой священникъ) и въ теченіе болѣе полстолѣтія онъ оставался настоятелемъ этого храма во имя свят. Николая, только кругъ его дѣлъ и обязанностей все расширялся. Не красна была жизнь священнослужителя въ ту пору. Весь доходъ съ прихода, состоявшаго изъ горожанъ, слободскихъ крестьянъ и деревни, и съ земли достигалъ, кажется, около 400 руб. въ годъ. А нужно было содержать не только себя и жену, но и сиротъ. Нужно было помогать и бѣднымъ роднымъ. Молодой священникъ скоро обратилъ на себя вниманіе. Онъ бытъ сдѣланъ учителемъ въ сельской школѣ государственныхъ имуществъ и уже въ 1863 году былъ назначенъ духовникъ-

комъ Крапивенскаго духовенства. Въмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ увѣщателемъ по присутственнымъ мѣстамъ. Шестидесятыя годы сказались на Крапивнѣ, какъ и на всей Руси, такъ, какъ на какіе годы не сказались потомъ никогда доселѣ. Движеніе послѣднихъ лѣтъ ничего не внесло новаго въ жизнь. Тогда совершилась отмѣна крѣпостнаго права и возникъ рядъ новыхъ учрежденій — новые суды, дума, земство, школы, банки. Молодой священникъ, привлечшій къ себѣ симпатіи населенія и обратившій на себя вниманіе общества и духовенства своею энергіею, способностями и отзывчивостію, немедленно былъ привлеченъ къ дѣлу осуществленія реформъ въ Крапивнѣ, онъ сталъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, одновременно съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, который тогда еще не былъ радикаломъ, и по школьнымъ дѣламъ Сергѣю Ивановичу приходилось сноситься съ графомъ, наводнившимъ (тогда—небесплатно) своими книгами для чтенія всѣ школы уѣзда. Въ періодъ съ 1868-го по 1874-й годъ онъ былъ выборнымъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта до тѣхъ поръ, когда должность предсѣдателя стала въ немъ обязательно замѣщаться предводителемъ дворянства. Онъ любилъ школьное дѣло, онъ побывалъ многократно во всѣхъ школахъ уѣзда, онъ взялъ на себя трудъ завѣдыванія школьными пособіями, выдачею жалованья учителямъ и учительницамъ, и въ его домѣ перемывали всѣ работники и работницы школьнаго дѣла уѣзда, и въ бесѣдахъ съ ними онъ выяснялъ школьныя нужды по уѣзду. Молодой священникъ былъ привлеченъ къ общественной дѣятельности. Его выбрали гласнымъ городской думы (съ 1868 г.), земскимъ гласнымъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Его неоднократно даже выбирали членомъ ревизіонной комиссіи по банку. И онъ принималъ дѣятельное участіе и въ городскихъ и земскихъ дѣлахъ, стремясь направлять все къ духовному благу. Изъ земскихъ дѣлъ, для него, конечно, было ближе всего дѣло школьное; гордость, совмѣстно съ другими, онъ подвинулъ къ открытію женской прогимназіи, законоучителемъ которой сталъ со дня ея основанія (1871 г. 10 октября) и оставался имъ до осени 1915 года. Онъ былъ законоучителемъ трехъ поколѣній (матерей, дочерей и внучекъ).

Сергѣй Ивановичъ былъ человѣкомъ прямымъ и откры-

веннымъ, любившемъ ясность, опредѣленность и аккуратность. Аккуратность называютъ вѣжливостью королей, но она есть вѣжливость и людей всѣхъ ранговъ. Сергѣй Ивановичъ никогда не опаздывалъ и не запаздывалъ. Не любилъ онъ неясности и недоговоренности. Предшествовавшій ему благочинный говаривалъ ему: „въ консисторію нужно писать по возможности темнѣе, а то сейчасъ придерется“. Но Сергѣй Ивановичъ не слѣдовалъ этому правилу, и однако во всю его жизнь никто не сумѣлъ къ нему придраться. Онъ въ шутку отмѣчалъ, что даже, когда секретаремъ Тульской консисторіи былъ В., впоследствии сидѣвшій въ тульскомъ острогѣ, который бралъ взятки даже съ архіерейскаго дома за свои подписи объ отчетахъ по расходамъ дома, онъ и на этого секретаря не издержалъ ни копейки и не имѣлъ съ нимъ столкновеній. Но никогда не поступаясь принципами и будучи человѣкомъ прямымъ, Сергѣй Ивановичъ умѣлъ жить съ людьми, онъ былъ очень хорошъ съ дворянствомъ и купечествомъ. Богатое дворянство мало соприкасалось съ Крапивною, но дворяне средніе заняли мѣста въ земствѣ и въ иныхъ учрежденіяхъ, послѣ 1861 г. они переживали экономическій и социальный кризисъ. Недостатокъ доходовъ отъ имѣній пришлось восполнять платною службою. Отношенія къ другимъ сословіямъ трактовавшимся, какъ низшія, пришлось измѣнить. Экономическое положеніе духовенства стало улучшаться, вмѣстѣ съ тѣмъ стало улучшаться и его общественное положеніе. Нужно еще замѣтить, что духовные, привыкшіе жить скромно, не имѣли долговъ. Многіе дворяне совершенно запутались въ нихъ. Отъ этого они нерѣдко оказывались въ болѣе зависимомъ положеніи, чѣмъ духовные. Въ Крапивнѣ какъ-то скоро и просто между среднимъ дворянствомъ и духовенствомъ установились отношенія равенства. Крапивенское купечество встрѣтило реформы съ большими упованіями и надеждами. Оно было малограмотно, первогильдейскія купеческія жены оказывались совсѣмъ неграмотными, но повидимому всѣ думали, что самый фактъ преобразованій всецѣло приобщалъ ихъ къ европейской культурѣ. Предпримчивые купцы видѣли, что новые порядки открывали возможность широкихъ и новыхъ предпріятій; купцы непредпримчивые и недалекіе съ удовольствіемъ привѣтствовали банкъ, который давалъ

деньги довольно охотно и щедро на первых порахъ, подь 8⁰/₀—10⁰/₀, между тѣмъ какъ прежде мѣстные благодѣтели умѣли давать подь 40⁰/₀—50⁰/₀. Купеческіе отцы города, кажется, трактовали реформы не въ демократическомъ смыслѣ, а въ томъ, что они стали господами и благородіями. Въ новыхъ учрежденіяхъ они облеклись въ мундиры и треуголки, причемъ крапивенскій портной, твердо знавшій главенство въ организмѣ правой части, снабдилъ ихъ шпагами на правой сторонѣ. Охотно купцы подписывались своими новыми званіями по новымъ должностямъ. Отъ того времени сохранились подписи: „товарищъ банка“ (=товарищъ директора банка), „товарищъ прогимназіи“ (очевидно, товарищъ предсѣдателя какого-нибудь совѣта прогимназіи). Но пріобщившіеся культурѣ крапивенскіе дѣятели 60-хъ годовъ были себѣ на умѣ, они учитывали и культуру; одно дѣло говорить: образованіе — великая вещь, другое дѣло дать образованіе хотя бы и собственнымъ сыновьямъ. На послѣднее рѣшались только самые самоувѣренные, впрочемъ, неудачно: сыновья возлагали надежды не на образованіе, а на родительскіе капиталы. Меньше самоувѣренные, боясь непочтенія со стороны ученыхъ сыновей, ограничивали ихъ образованіе мѣстнымъ уѣзднымъ училищемъ, гдѣ обучалось все мужское населеніе Крапивны. Когда возникло дѣло объ учрежденіи въ Крапивнѣ женской прогимназіи, крапивенцы очень охотно взялись за него: во-первыхъ, громкое названіе; во-вторыхъ, изумительная дешевизна содержанія: начальницѣ 200 руб. въ годъ, учителямъ по 200 руб., надзирательницѣ 100 руб., но однако вскорѣ ихъ стали обуревать сомнѣнія. Наконецъ, въ городской думѣ былъ рѣшительно поставленъ вопросъ: „что же у насъ жены будутъ умнѣе мужей“. Сергѣй Ивановичъ рѣшилъ тогда спасти положеніе вещей, онъ не сталъ говорить о пользѣ образованія, о нуждѣ въ образованныхъ женахъ и матеряхъ, нѣтъ, онъ выступилъ съ доказательствами, что жены не будутъ умнѣе мужей: во-первыхъ, учителя тѣ же, что и въ уѣздномъ училищѣ; откуда же у нихъ явится новая мудрость? во-вторыхъ, оклады въ прогимназіи меньше, чѣмъ въ училищѣ (тамъ 300 руб., а здѣсь—200 руб.), а гдѣ дешевле платять, тамъ хуже учать; наконецъ, въ-третьихъ, число лѣтъ обученія въ училищѣ и прогимназіи одинаково, но дѣвочки, какъ сосуды немощные.

конечно воспримуть меньше, чѣмъ мальчики. Послѣ этого думцы безъ колебаній рѣшили открыть прогимназію, а послѣ засѣданія говорили Сергѣю Ивановичу: „Вы, батюшка, намъ все разъяснили и насъ успокоили“. Впослѣдствіи эта прогимназія дала очень много учительницъ для Крапивенскаго уѣзда, да и для другихъ уѣздовъ Тульской губерніи. Въ прогимназіи обучалось все женское населеніе Крапивны. Правда, нѣкоторыя купеческія дамы сѣтовали, что прогимназистки—хотя бы и крайне бѣдныя—не идутъ въ горничныя, но сѣтованія эти были робкими и единичными, да и горничныхъ въ окрестностяхъ можно было найти гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ требовалось для умѣвшихъ обходиться безъ нихъ крапивенцевъ.

Хорошо бы было жить молодому священнику, передъ которымъ открывалось такое множество дѣла по приходу, по школамъ, по дѣламъ помощи и благотворенія, по всякаго рода запросамъ, если бы у него было все благополучно въ семьѣ. Но здѣсь ему пришлось перенести тяжкія испытанія. Чухотка проникла въ семью его жены и одного за другимъ убивала ея членовъ. Очередь дошла и до молодой матушки. Два года тяжело страдала она и, оставивъ своему мужу двухъ малолѣтнихъ — 4-хъ и 2-хъ лѣтъ мальчиковъ, перешла въ міръ иной (3 декабря 1867 г.). Много заботъ принялъ съ этими дѣтьми молодой вдовецъ. Теперь старшій изъ этихъ мальчиковъ—протоіерей Димитрій Сергѣевичъ состоитъ профессоромъ Богословія въ Демидовскомъ Юридическомъ лицейѣ, младшій Сергѣй—ординарнымъ профессоромъ по Основному Богословію въ Московской духовной академіи.

Заботы по воспитанію осиротѣвшихъ дѣтей вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ приняла сестра его покойной жены Серафима Никитична Мерцалова, она отказалась отъ замужества, отъ личнаго счастья и замѣнила дѣтямъ мать. Религіозная, чрезвычайно честная, благожелательная къ другимъ, но въ тоже время своимъ женскимъ чутьемъ умѣвшая порою угадывать и разгадывать людей лучше, чѣмъ самъ Сергѣй Ивановичъ, она оберегала дѣтей отъ вредныхъ вліяній, между тѣмъ какъ отецъ внушалъ имъ добрыя навыки и занимался ихъ обученіемъ; чтенію и письму онъ обучалъ ихъ самъ, затѣмъ помѣстилъ ихъ въ мѣстное училище, но и здѣсь слѣдилъ за ихъ уроками и самъ училъ ихъ латин-

скому языку для поступленія въ духовное училище, куда того и другого отдалъ во 2-й классъ. При массѣ занятій и должностей онъ находилъ еще время возиться дома съ арифметическими задачками и латинскими экзерциціями.

Первые 33 года служебной дѣятельности Сергѣя Ивановича протекли при архипастырѣ Никандрѣ, который во всю свою долгую жизнь служилъ лишь одной кафедрѣ — Тульской и отклонялъ предложенія занять кафедру болѣе видную. На этого престарѣлаго архипастыря священнослужители Тульской епархіи привыкли смотрѣть, какъ на благостнаго отца. Онъ былъ для нихъ образцомъ постоянства служенія. онъ не любилъ карать, онъ былъ въ высшей степени остороженъ въ своихъ рѣшеніяхъ, умѣлъ привлекать къ себѣ людей, онъ былъ для своихъ пастырей руководственнымъ правиломъ и назидательнымъ примѣромъ. Такъ смотрѣлъ на него Сергѣй Ивановичъ. Архіепископъ Никандръ обратилъ вниманіе на молодого священника. Онъ давалъ ему различныя порученія и возлагалъ на него новыя и новыя обязанности.

Архіепископъ Никандръ, сойдя въ могилу въ 1893 году, заключилъ собою эпоху, которая человѣку настоящихъ дней можетъ показаться мертвою. Онъ какъ будто руководился принципомъ *laissez passer, laissez faire*, не предъявлялъ требованій, не предпринималъ никакихъ начинаній, очень подозрительно относился къ нимъ, если они шли со стороны, не обнаруживалъ охоты награждать, *безусловно не любилъ карать*, относясь снисходительно даже къ несомнѣннымъ слабостямъ. Не любилъ и бумажныхъ дѣлъ, не любилъ проповѣдывать. Его представляютъ, какъ человѣка лѣниваго. больше всего любившаго покой. Вѣрно ли это или невѣрно? На это на самомъ дѣлѣ очень мудро отвѣтить. Мы слишкомъ стали склонны въ послѣднее время виѣшній шумъ и трескъ широковѣщательныхъ предпріятій принимать за выраженіе трудолюбія, энергіи и ума. Несомнѣнно, что между архіепископомъ Никандромъ, который раньше, чѣмъ сталъ епископомъ Тульскимъ, былъ ректоромъ Тульской семинаріи, и тульской паствой была крѣпкая духовная связь. Каждое его слово было священно, каждое его замѣчаніе—дѣлались они не часто—принималось глубоко, всѣ его предложенія исполнялись неукоснительно. „Не по мнѣ должность благочиннаго,—

говорилъ Сергѣю Ивановичу братъ его Андрей Ивановичъ, — но я принялъ ее во исполненіе священной для меня воли нашего владыки“. „Нашъ владыка вселюбовію покрываетъ“, — говорилъ объ архіепископѣ Никандрѣ другой пастырь. Отъ архіепископа Никандра передавалось духовенству тульской епархіи какое-то благоговѣйно-религіозное настроеніе — правда, скорѣе созерцательное, чѣмъ дѣятельное, но очищающее и согрѣвающее душу. Архіепископъ Никандръ былъ человѣкомъ очень образованнымъ, до послѣднихъ дней своей жизни онъ слѣдилъ за академическою духовною литературой, былъ человѣкомъ очень тактичнымъ, умѣвшимъ привлекать къ себѣ всѣхъ и превосходно зналъ людей: едва ли когда-нибудь какой-либо аферистъ изъ духовныхъ или свѣтскихъ сумѣлъ провести его.

Тридцать три года священствовалъ С. И—чъ при архіепископѣ Никандрѣ.

Трудно говорить о дѣятельности священника. Ея плодотворнѣйшее зерно заключается въ интимнѣйшихъ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ: въ томъ, чтобы въ трудныя минуты жизни духовный сынъ или духовная дочь шли къ своему духовному отцу или посылали за нимъ, чтобы они руководились его указаніями и наставленіями въ важнѣйшихъ жизненныхъ рѣшеніяхъ. Эта дѣятельность пастыря не можетъ подлежать человѣческому наблюденію и человѣческому учету. Можно указать лишь, что пастырь, къ которому приходятъ совѣтоваться и о себѣ и о своихъ дѣтяхъ, къ которому обращаются съ запросами смущенной совѣсти, такой пастырь не можетъ быть названъ наемникомъ. А много людей видѣлъ у себя Сергѣй Ивановичъ, искавшихъ у него совѣта въ важнѣйшихъ вопросахъ жизни

Какъ и гдѣ учить дѣтей? Начинать ли то или другое предпріятіе? просить ли себѣ такого то мѣста? выдавать ли замужъ дочь или женить сына? какъ устроить разстроившійся миръ въ семьѣ? Со всѣми этими вопросами приходили озабоченные и недоумѣвающие люди къ С. И—чу. Приходили и съ просьбами о мѣстахъ, помощи и ходатайствахъ. Нужно вымолить прощеніе у отца или начальства, смягчить властный гнѣвъ, устранить надвигающееся горе, обращались къ С. И—чу. И нерѣдко можно было видѣть, какъ приходили съ слезами и рыданіями, а уходили утѣшенные и успокоен-

ные. Съ особенною осторожностью С. И—чь давалъ совѣты о бракахъ, вообще же онъ предпочиталъ по возможности уклоняться отъ вмѣшательства въ брачныя дѣла. Но уклоняться было трудно. Даже люди, достигшіе званія „почетнаго гражданина г. Крапивны“, обращались по этимъ дѣламъ къ нему. Приходить вдовый купецъ европейской складки и крапивенскаго образованія посовѣтываться о женитьбѣ на учительницѣ прогимназіи — тоже вдовѣ, далѣе С. И—чу даются на цензуру письма къ этой невѣстѣ. С. И—чь просматриваетъ, „вотъ это у васъ что-то непонятно написано“, говоритъ онъ, — „проблема этого обстоятельства не требуетъ никакихъ комментарій?“ — „Ничего, говоритъ женихъ, вѣдь, она — образованная, ей надо писать по образованному“. — „Ну, пишите по образованному“, соглашается невольный цензоръ.

Постепенно преобразовывался соборный приходъ. Самый храмъ, довольно бѣдный въ началѣ, сталъ благоукрашеннымъ и благолѣпнымъ. Жизнь шла. О. Сергія призывали къ новымъ служеніямъ. Со смертью стараго благочиннаго онъ занялъ этотъ служебный постъ (1884 г.). Возникло дѣло о церковныхъ школахъ. Къ нему онъ былъ привлеченъ немедленно. Трудно и тяжело было это дѣло въ началѣ. Денегъ не давалось на школы. Нужно было изыскивать средства, т.-е. просить у состоятельныхъ людей, убѣждать крестьянскія общества. Насколько успѣшно шло это дѣло по Крапивенскому уѣзду, можно видѣть изъ того, что здѣсь одна помѣщица пожертвовала на церковныя школы гораздо болѣе 100 тысячъ. Въ 1889 году были образованы уѣздныя отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. О. Сергіи сталъ предсѣдателемъ Крапивенскаго отдѣла и оставался имъ до 1915 года. И никогда, нужно отмѣтить, между земскими и церковными школами уѣзда не было конфликта. И въ городѣ доселѣ всегда былъ миръ религіозный и политическій. Чтобы оцѣнить это, нужно имѣть въ виду, что если на Крапивенскомъ уѣздѣ не сказалось вліянія политической пропаганды, то во всякомъ случаѣ въ уѣздѣ распространялись ученія чуждыя и враждебныя православію. Можно указать два пункта въ уѣздѣ, откуда шли новыя религіозныя ученія (Ясная Поляна и Сергіевское) — Толстовское и Гагаринское. Но любопытно, что они и въ уѣздѣ не имѣли

никакого успѣха; можетъ быть это произошло отъ того, что какъ новыя ученія, такъ и старая истина опирались только на самихъ себя, новыя ученія не прибѣгали къ насильственной и наступательной пропагандѣ, вѣчная старая истина не базировалась на сомнительной помощи администраціи.

Почтительно сопоставить крапивенское православіе съ крапивенскою моралью. Въ этомъ тихомъ православномъ городѣ люди конечно такіе же дуды, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Однако ихъ вѣра какъ будто удерживаетъ ихъ отъ многого дурного. Объ убійствахъ не слышать въ Крапивнѣ. Самоубійствъ въ Крапивнѣ на протяженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ возможно насчитать 5 или 6, но и относительно этой цифры нужно оговориться: въ 1875 г. застрѣлился мировой судья, но онъ былъ чужимъ для Крапивны, десять лѣтъ спустя застрѣлился нотаріусъ, онъ тоже не былъ крапивенскимъ, еще приблизительно лѣтъ черезъ десять слишкомъ застрѣлился кадетъ отъ любви, не крапивенскій по происхожденію и образованію. Не слышно въ Крапивнѣ о разводахъ. Легкій взглядъ на брачныя отношенія опять-таки вносить пришлый элементъ. Грабежи неизвѣстны. Воры, конечно, имѣются, но повидимому воры-диллетанты, ворующіе лишь то, что плохо лежитъ. Объ обстоятельныхъ и серьезныхъ кражахъ, которыя были бы совершены согласно требованіямъ современной воровской техники, здѣсь не слышать.

С. И—чъ любилъ общество, у него часто собирались, для этого въ Крапивнѣ не пужно было имѣть ни большихъ апартаментовъ, ни большихъ средствъ. Его домъ представлялъ своего рода небольшой салонъ во вкусъ французскихъ XVIII вѣка, гдѣ дебатировались и никогда не рѣшались вѣковѣчные вопросы. Политикой впрочемъ въ домѣ С. И—ча не занимались. Вообще она не возбуждала интереса въ Крапивнѣ. Это ставило въ затруднительное положеніе крапивенскаго исправника, который былъ человѣкомъ религіознымъ, повидимому честнымъ, но который вездѣ видѣлъ и искалъ крамолу и сомнѣвался въ благонадежности каждаго. Одинъ мѣстный нотаріусъ, получившій образованіе въ духовной семинаріи (преемникъ того, который былъ упомянуть), говорилъ объ этомъ исправникѣ, что въ немъ двѣ ипостаси—исправничья и человѣческая, и что, какъ исправникъ, онъ сомнѣвается въ своей благонадежности, какъ человѣка.

Исправникъ имѣлъ взгляды твердые и опредѣленные и утверждалъ, что русскій строй созданъ по образцу небснаго. У него спросили: есть ли на небѣ урядники и берутъ ли тамъ взятки? На это онъ отвѣтилъ, что взятки—злоупотребленіе и на небѣ ихъ нѣтъ, но вопросъ объ урядникахъ остался открытымъ. Исправникъ любилъ тайну, онъ, напримеръ, чрезвычайно таинственно и съ большими купюрами рассказывалъ о походахъ М. Е. Салтыкова (Щедрина), подъ начальствомъ котораго служилъ въ Тулѣ. Эти купюры, — правда, опять-таки съ купюрами — не такъ давно были напечатаны въ Историческомъ Вѣстникѣ. Когда С. И—ча назначили благочиннымъ, исправникъ прислалъ ему пакетъ съ надписью: „совершенно секретно“, въ пакетѣ содержалась бумага, заключавшая въ себѣ только слѣдующія слова: „прошу Васъ доставить мнѣ свѣдѣнія для всеподданнѣйшаго отчета *по примѣру прежнихъ лѣтъ*“. Вѣроятно, онъ пожалѣлъ объ этой бумагѣ, ибо въ маленькой Крапивнѣ нельзя было скрыть, что онъ просилъ „совершенно секретно“ статистическихъ свѣдѣній о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ и просилъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, каковаго примѣра въ данномъ случаѣ не существовало. О всякомъ проявленіи вольномыслія исправникъ доносилъ. Такъ, когда учитель приходскаго училища К. сказалъ ученикамъ, что у кита горло узкое и онъ не можетъ проглотить человека, и ученики законоучителю Р., рассказывавшему о томъ, какъ пророкъ Іона былъ проглоченъ китомъ, заявили: „этого не можетъ быть“, исправникъ немедленно сдѣлалъ доносъ, но доносъ остался безъ послѣдствій. Исправника въ губерніи считали хорошимъ, но знали его слабость къ отыскиванію социалистовъ и атеистовъ и считали эту слабость нѣсколько маниакальною, да и относительно твердости политическихъ и религіозныхъ устоевъ въ Крапивнѣ губернское начальство не сомнѣвалось. Такъ и обстояло дѣло. Самые рьяные вольнодумцы въ Крапивнѣ въ царскіе дни подтягивали „Боже Царя храни“ и говѣли на Страстной. У С. И—ча были и „Отечественныя записки“ и „Дѣло“, но крапивенскіе обыватели не интересовались социальными и политическими статьями этихъ журналовъ, а читали беллетристику, причемъ какъ то такъ было, что наибольшее вниманіе оказывалось произведеніямъ не только не выражавшимъ направле-

нiя либеральныхъ журналовъ, но можно сказать, попавшимъ въ нихъ по недоразумѣнiю. Такъ съ большимъ интересомъ читали „Подростокъ“ Достоевскаго, который печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ Н. К. Михайловскiй, Г. П. Успенскiй были рѣшительными противниками взглядовъ Достоевскаго.

Но научные и религiозные вопросы занимали умственный верхъ крапивенскаго общества. Въ маленькой гостинной С. И—ча дебатировались вопросы о происхожденiи видовъ, о происхожденiи человѣка, о древности земли, о каналахъ на Марсѣ, о метеорахъ, о радугѣ отъ луны (вмѣстѣ съ своимъ младшимъ сыномъ С. И—чъ видѣлъ эту радугу въ Крапивнѣ около полуночи 22 iюля 1882 г.), о громовыхъ стрѣлкахъ, электричествѣ, мѣстныхъ рудахъ (каменномъ углѣ, желѣзѣ, сѣрномъ колчеданѣ) et de rebus omnibus. Богословскiе вопросы поднимались о несправедномъ домоправителѣ, о восхищенiи ап. Павла на третье небо и т. д.

Съ дарвинизмомъ Крапивну наиболѣе познакомили одинъ изъ ея священниковъ— конечно совершенно православный, но мѣстный аборигенъ, проявившiй наибольшую и совершенно бесплодную умственную энергiю, составилъ о немъ своеобразное двухстишиѣ:

И самъ Гаврила

Твердить, что мы—отъ гориллы.

Этотъ аборигенъ былъ несомнѣнно очень способнымъ, но совершенно сбившимся съ пути человѣкомъ. Мальчикомъ онъ бросилъ гимназiю и сталъ покупать книги и читать. Библиотека его была крайне безтолковой. У него были греческiе и латинскiе классики въ подлинникѣ, Дантъ по-итальянски въ роскошномъ изданiи, много историческихъ монографiй, масса книгъ по естествознанiю, отсутствовали книги по философи, богословию и математикѣ. Средства у аборигена исчезли и онъ жилъ въ большой нуждѣ, занимая безъ уплаты или зарабатывая чѣмъ попало—какой то адвокатурой, хотя по самому характеру своему онъ не могъ познать законовъ, переводомъ коммерческихъ писемъ— хотя ни одного языка онъ не зналъ и въ коммерцiи безусловно не понималъ ничего. Жилъ онъ, какъ птица небесная, любилъ природу и восхищался ею, любилъ произведенiя вели-

кихъ умовъ и тоже восхищался ими, но въ природу онъ на самомъ дѣлѣ не всматривался и въ произведенія великихъ умовъ не вчитывался. У самого его несомнѣнно былъ литературный талантъ, онъ написалъ поэму „Муравейникъ“, подъ которымъ разумѣлась Крапивна и гдѣ точно и правдиво изображались крапивенскіе обыватели. Поэма эта должно быть погибла. Только въ памяти нѣкоторыхъ лицъ сохранилось нѣсколько отрывковъ. Описаніе крапивенцевъ высшаго ранга начиналось въ „Муравейникѣ“ такъ:

Четыре коллежскихъ совѣтника живутъ въ семь городишкѣ:

Исправникъ, потомъ казначей, да двое уѣздныхъ врачей,

Въ леченіи искусныхъ подобно косматому мишкѣ.

Объ одномъ изъ этихъ врачей далѣе уже другимъ размѣромъ онъ говоритъ:

Предъ вами эскулапъ

Высокъ, плечистъ, дородень.

Изъ его врачебныхъ лапъ

Къ всякой смерти путь свободень.

Въ „Муравейникѣ“, кажется, были изображены всѣ мало-мальски замѣтныя въ Крапивнѣ фигуры. Аборигенъ — его звали Григоріемъ Ивановичемъ — зналъ Крапивну и всѣ дѣла ея, хотя съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ говорилъ лишь о Ренапѣ, Дарвинѣ, Араго, Тьерри, Шекспирѣ. У С. П.—ча онъ бывалъ часто, гулялъ съ нимъ за городомъ, игралъ въ шахматы съ его сыновьями, бралъ книги для чтенія. Приходить и говорить: „сейчасъ шелъ къ вамъ и дорогой само собою сложилось

Есть пища для желудка,

Нѣтъ пищи для ума,

А это, вѣдь, не шутка.

Какъ разъ сойдешь съ ума“.

Дѣло было на святкахъ. Пища, значитъ, была, а книгъ не было. Но и пища бывала нечасто. Нужно замѣтить объ аборигенѣ, что, несмотря на бѣдность, онъ не питался на чужой счетъ, не оставался обѣдать или закусывать, вина онъ не пилъ, но взять деньги взаймы и не отдать онъ считалъ совершенно естественнымъ. Одинъ купецъ нанялъ его для чтенія и толкованія „Русскихъ Вѣдомостей“, которыя по-

нятно, были выписаны по его указанію. Это дѣло онъ велъ исправно. Но тутъ случилась одна исторія. Наступилъ великій постъ—равній въ томъ году. Купецъ задумался о душѣ своего лектора и сказалъ, что онъ долженъ говѣть. Лекторъ отвѣтилъ, что это и его искреннѣйшее желаніе, но что ему не въ чемъ причащаться. Купецъ соорудилъ ему пару и далъ старую шубу для хожденія въ церковь. Лекторъ очистилъ свою душу покаяніемъ у С. И—ча. Прошло нѣсколько дней. Возвратившись домой днемъ, С. И—чъ находить у себя Григорія Ивановича холоднаго, грѣющагося около печки.—„Что вы, Григорій Ивановичъ? спрашиваетъ онъ.—„Шубу отняли“, жалуется Григ. И—вичъ.—„Кто?—„Купцы“.—„Почему же?“ — „Вѣдь, они — византійцы“, жалобно отвѣтствовалъ холодный гость. Оказалось, что одинъ пунктъ договора спасающей душу ближняго и спасаемый ближній поняли различно. Пара по естественному порядку, какъ считая на кающагося, отдавалась ему навсегда, но шуба по мысли купца давалась ему лишь для говѣнья, а по мысли Григ. И—ча — тоже навсегда. Обѣ стороны почему то при договорѣ уклонились отъ выясненія этого пункта, но у каждой изъ сторонъ была своя *reservatio mentalis*. Дѣло кое-какъ уладили хотя съ неособенной честью для Григ. И—ча, но съ несомнѣнной для него пользою.

Этотъ жалкій, оборванный человѣкъ, иногда въ іюлѣ являвшійся въ валеныхъ сапогахъ, но всегда державшій себя прилично, съ достоинствомъ и никогда не впадавшій въ уныніе, былъ несомнѣнно полезенъ для умственной жизни Крапивны. Онъ не былъ для крапивенцевъ ни Сократомъ, ни Діогеномъ, онъ былъ страшно лѣнивъ, много вралъ, никогда не держалъ своего слова, но за всѣмъ тѣмъ онъ былъ преисполненъ исключительно духовной жажды, онъ страстно любилъ книгу, литературу, научныя произведенія въ ихъ широкихъ обобщеніяхъ. Мировой судья, впоследствии застрѣлившійся, назвалъ его „нравственнымъ гермафродитомъ“. У него не было пороковъ: онъ не игралъ въ карты, не пилъ вина, былъ скромнымъ вдовцомъ и говорилъ С. И—чу: „въ жизни мужчины, батюшка, бываетъ два счастливыхъ момента, когда онъ женится и когда хоронитъ жену“. Эти циничныя слова, разумѣется, не выражали его убѣжденій, они были лишь пощылкой пустить „красное слово“, ради котораго

люди несравненно сильнѣйшіе, чѣмъ Григ. И—вичь,—Вольтеръ, Гейне, у насъ гр. Алексѣй Толстой жертвовали и отцомъ и вѣрою. Твердыхъ принциповъ Григ. И—чь не имѣлъ; конечно, былъ либераломъ, но на путь отрицанія и разрушенія шестидесятыя годы его не толкнули. Для этого безъ сомнѣнія были причины въ свойствахъ его духа, но можно указать и одну специальную причину. Хотя онъ любилъ природу и накупилъ очень много книгъ по естествознанію, его душа не лежала къ естественнымъ наукамъ, никогда онъ не могъ овладѣть даже элементами математическаго и естествонаучнаго знанія и онъ не былъ настолько наивенъ, чтобы на слово повѣрить выводамъ этого знанія. По этому, а не изъ боязни исправника, объ обезьянѣ онъ говорилъ уклончиво. Да, и вообще онъ больше любилъ ставить вопросы, чѣмъ рѣшать ихъ; больше любилъ возбуждать сомнѣнія, чѣмъ ихъ разсѣивать. Онъ былъ полезнымъ сопросникомъ, онъ будилъ мысль, возбуждалъ идейные интересы, въ споры и обсуждения вопросовъ онъ вносилъ легкость, живость и благодушіе.

Въ домѣ С. И—ча принципиальные вопросы вообще обсуждались *sine ira et studio*. Въ полемикѣ любили легкую шутку, но не одобряли кусательныхъ словъ Гипотезы и предположенія допускались всякія. Принимали какъ истину, что земля движется, но когда въ семидесятыхъ годахъ одинъ аферистъ выпустилъ брошюру „земля неподвижна“, вздохнули съ облегченіемъ и не потому, что Коперникъ имъ казался въ несогласіи съ Моисеемъ, а потому что Коперника они понимали плохо, Моисей же былъ для нихъ ясенъ. Отрицаніе Коперника освобождало ихъ отъ обязанности напрягать свой умъ для усвоенія гелиоцентрической концепціи. Учитель географіи (всѣхъ видовъ и, слѣдовательно, математической въ частности) едва ли представлялъ положеніе земли въ пространствѣ, но онъ все таки *ex officio* поддерживалъ творца новой астрономіи и не сдавался на новую брошюру.

Въ началѣ 70-хъ годовъ у насъ увлекались спиритизмомъ. Въ ряду его адептовъ были химикъ Бутлеровъ и зоологъ Вагнеръ. Въ домѣ С. И—ча обсуждались и вопросы о спиритизмѣ, но чисто съ академическимъ безстрастіемъ. Никто не обнаруживалъ охоты къ опытамъ, никто не видалъ духовъ и никто не боялся ихъ.

За беллетристикою слѣдили. Журналы получались. Но къ беллетристикѣ обыкновенно подходили совсѣмъ не съ той стороны, съ которой къ ней подходятъ учителя словесности. Довольно рѣшительно ставили вопросы: кого описалъ и насколько привралъ? Гл. Ив. Успенскій изобразилъ свою сестру—начальницу Крапивенской прогимназіи—скромной и забитой дѣвушкой, на самомъ дѣлѣ это была бойкая, остроумная, симпатичная и пользовавшаяся общимъ вниманіемъ особа (умерла нынѣшнимъ великимъ постомъ). Учителя чистописанія С.—ва Глѣбъ изобразилъ глупымъ и вліятельнымъ человѣкомъ, но онъ былъ только глупъ и былъ предметомъ общаго смѣха. Гр. Л. Н. Толстой изобразилъ въ „Аннѣ Каренинѣ“ свою семью, но съ варіаціями и отступленіями. У Левина (=Льва Николаевича) братъ женатъ на цыганкѣ и у гр. Л. Н. Толстого братъ Сергѣй Ник., Крапивенскій предводитель дворянства, былъ женатъ на цыганкѣ, но дальше романъ и дѣйствительность расходились. Постройка Вронскимъ больницы (въ Аннѣ Каренинѣ) взята съ князя Гагарина (постройка больницы въ Сергіевскомъ), но дальше точекъ соприкосновенія не оказывалось. Николай Васильевичъ Успенскій, сначала стяжавшій себѣ извѣстность, но потомъ опустившійся и забытый, изобразилъ въ каррикатурномъ видѣ семью Глѣба Ив. Успенскаго (его двоюроднаго брата), въ такомъ же видѣ изобразилъ одного крапивенскаго священника, своего родственника. Для крапивенцевъ такія произведенія имѣли не художественный, а житейскій интересъ, даже интересъ скандала. Мать Глѣба. сестра. братья, жили въ Крапивнѣ. Никол. В. Успенскій уже послѣ того, какъ пережилъ свою славу, сдѣлался даже сельскимъ учителемъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ, но, разумѣется, учителемъ онъ быть не могъ и въ одинъ зимній день онъ просто на просто ушелъ изъ своей школы, ни съ кѣмъ не простясь. Потомъ года черезъ 2—3 онъ пришелъ къ С. И.—чу, вѣдавшему и земскія школы, и просилъ доплатить ему якобы не дополученное имъ жалованье. Этотъ талантливый человѣкъ, котораго нѣкогда посылали для развитія таланта за границу, на котораго возлагали большія надежды, опустился до того, что ради 2—3 рублей, а иногда можетъ быть и пяточка могъ говорить и просить что-угодно. Добывъ въ Тулѣ крокодила (крокодилъ издохъ и его выбро-

силы изъ цирка), онъ явился въ Крапивну и говорилъ, что былъ въ Египтѣ и привезъ съ собой крокодила оттуда. Чучело этой нильской святыни онъ показывалъ за двѣ копейки, однако ему даже въ Крапивнѣ обыкновенно давали деньги, но отказывались и видѣть крокодила и слышать о немъ. Щедринымъ въ Крапивнѣ были недовольны между прочимъ за привлеченіе имъ Крапивны къ виноградному винодѣлію. Описывая, какъ производятся виноградныя вина въ городахъ и весяхъ, гдѣ виноградъ не произрастаетъ, Щедринъ помянулъ и Крапивну. Но дѣло въ томъ, что Крапивна не только виноградныхъ винъ не производила, но боролась энергично съ употребленіемъ виноградныхъ или якобы виноградныхъ винъ. Борьба эта велась не изъ за принципа трезвости. Въ Крапивнѣ, когда все населеніе ея сводилось можетъ быть къ 700 душамъ, уже было три водочныхъ завода. Трезвости въ ней было немного. Но Крапивна производила наливки изъ сквернѣйшей сивухи на дешевѣйшихъ ягодахъ съ прибавленіемъ патоки, глицерина, ратафин и иныхъ элементовъ, представлявшихъ секретъ изобрѣтателя. Эти истинно русскія наливки Крапивна противопоставляла русскимъ винограднымъ винамъ, которыя впрочемъ и сами обыкновенно именовали себя по иностранному и присутствіе винограда въ которыхъ порою было сомнительно. Русскія вина сначала были очень плохи и улучшались постепенно. Наливки долго боролись съ винами, но въ концѣ концовъ вина не крапивенскія—одержали побѣду. Такимъ образомъ здѣсь происходило противоположное тому, что утверждалъ Щедринъ. Крапивна не создавала винъ, а боролась съ винами.

Литературу въ Крапивнѣ оцѣнивали со стороны достовѣрности изображавшихся въ ней фактовъ. Науку не оцѣнивали, ея восхищались, богословіе тоже не оцѣнивали, въ него вѣрили. Но по отношенію къ практической и канонической сторонамъ религіи допускалась умѣренная критика, сводившаяся къ тому, что и у насъ не все благополучно. Когда парижскій протоіерей Васильевъ завелъ полемику съ нантскимъ архіепископомъ о православіи и католичествѣ, старый благочинный любившій иносказанія и темноту, высказалъ предположеніе, что Васильевъ и католическій прелатъ согласились между собою указать недостатки своихъ церквей!

и рѣшили, что католикъ будетъ обличать православныхъ, а православный—католиковъ. Оттого самовосхваленія у нихъ слабы, а обличенія сильны. По поводу чего священникъ, нѣкогда вышедшій на экзамень въ тулупѣ и постоянно употреблявшій въ рѣчи „на то, того, энтото и тому подобное“, сказалъ: „на то, того, чтото не похоже, ужъ больно сильно ругаются“.

Религіознаго творчества въ Крапивнѣ не было, здѣсь была религіозная вѣра, но за то въ другихъ, никого не трогающихъ областяхъ, допускались очень широкіе и смѣлые полеты мысли. Мѣстный математикъ рѣшилъ задачу о трисекціи угла путемъ дѣленія прямой линіи (хорды) на три части и онъ же рѣшилъ задачу о квадратурѣ круга, обтянувъ мѣдный пятакъ ниткой и смѣривъ ее. Это рѣшеніе онъ предложилъ составителю математическихъ учебниковъ Малинину, который пріѣзжалъ въ Крапивну на открытіе прогимназіи, и „Малиницъ, по словамъ мѣстнаго Ньютона, разинулъ ротъ и остолбенѣлъ“. Этому можно повѣрить. Крапивенскій географъ интересовался шестою частью свѣта „открытою къ югу отъ Австраліи“. Учитель чистописанія описанный Глѣбомъ Успенскимъ, интересовался литературною критикою и называлъ Бѣлинскаго Марлинскимъ и Добролюбова Бѣлогубовымъ. Но за всемъ тѣмъ у всѣхъ этихъ людей съ очень скромными познаніями, съ очень скромными средствами слышались идейные и безкорыстные интересы. Съ теченіемъ времени эти интересы стали слабѣть.

Странныя вещи совершаются на Руси. Образование какъ будто повышается. Высшія и всякаго рода школы открываются ежедневно. Но если обратиться къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни, то здѣсь приходится встрѣчаться не съ повышеніемъ, а съ пониженіемъ образовательнаго ценза. Въ семидесятыхъ годахъ отъ псаломщика требовался семинарскій аттестатъ; не имѣвшіе такового считались лишь исправляющими должность. Поэтому въ Крапивнѣ всѣ эти почтенные церковнослужители подписывались: „исправляющій должность пса“. Эти исправлявшіе должность могли пускать въ оборотъ много латинскихъ фразъ, знали и любили уставъ, не чужды были нѣкотораго скромнаго богословствованія, были духовными по плоти и духу. Теперь люди менѣ ихъ образованные становятся штатными священниками, люди

безъ церковной традиціи, безъ элементарнаго духовнаго образованія. И не въ одной церковной области такъ. Въ области народнаго просвѣщенія инспектора прежде назначались исключительно съ высимъ образованіемъ, теперь назначаютъ часто изъ учительскаго института, т. е. назначаютъ людей знающихъ технику элементарнаго обученія, но въ сущности безъ образованія. А главное—чувствуется, что исчезаютъ люди идейнаго образованія, они вытѣсняются людьми какого-то шкурнаго образованія. Интересы и разговоры этихъ людей сводятся къ двумъ требованіямъ: 1) улучшенія ихъ матеріальнаго положенія и 2) ослабленія контроля надъ ихъ дѣятельностью, т. е. они ищутъ денегъ и свободы. Конечно, нужны и деньги и свобода, но жаль, что они не ищутъ ничего больше. Не къ Крапивнѣ прилагается это разсужденіе. Тамъ тотъ же образовательный цензъ священниковъ, въ сущности тѣ же традиціи, но только тамъ по естественному порядку вымерли чудаки, жившіе высими, вопросы, и по какому то стеченію обстоятельствъ на смѣну ихъ новаго поколѣнія чудаковъ повидимому не появилось.

Умеръ мѣстный аборигенъ, умилаясь на наступающую весну и читая Евангеліе. Почти одновременно съ нимъ умеръ математикъ, раньше Линдемана и совѣмъ по иному рѣшившій задачу о квадратурѣ круга. Умеръ въ санѣ священника географъ, открывшій шестую часть звѣта раньше, чѣмъ Шельтонъ достигъ южнаго полюса. Многіе умерли и многое умерло. Новые люди стали около С. И—ча. Тѣхъ, съ которыми онъ начиналъ свою службу, съ которыми осуществлялъ свои начинанія, уже не было. Съ новыми поколѣніями онъ близко не сходилъ. Какъ человекъ общества, онъ принималъ у себя и изрѣдка бывалъ у другихъ, но это были уже собранія для отдыха; обсуждения и рѣшенія вѣковѣчныхъ вопросовъ не поднималось, каждый берегъ ихъ про себя: поднимались скорѣе вопросы практическіе: какъ поступить, что сдѣлать?

Время шло. 26-го октября 1910 г. исполнилось пятидесятилѣтіе пастырскаго служенія Сергѣя Ивановича. Крапивна торжественно отпраздновала юбилей любимаго и почитаемаго пастыря.

Торжество не носило официальнаго характера. Торжество было просто, безыскусственно и вмѣстѣ свѣтло и радостно.

Юбилляръ отклонялъ чествованія; къ нимъ, пожалуй, приготовлялись менѣе, чѣмъ сколько ихъ было проявлено.

Наканунѣ 26-го въ соборѣ всѣмъ духовенствомъ благочинническаго округа во главѣ съ юбиляромъ и вмѣстѣ съ сыномъ юбиляра профессоромъ Демидовскаго юридическаго лица протоіереемъ Дмитр. С-чемъ была совершена всеобщая съ акаеистомъ св. Николаю Чудотворцу при пѣніи хоромъ городскихъ церквей. Задушевно и благоговѣйно совершенное богослуженіе произвело умилительное и трогательное впечатлѣніе на молящихся. 26-го въ томъ же священно и церковно служительскомъ составѣ была совершена торжественная литургія при громадномъ стеченіи молящихся, въ присутствіи представителей города и уѣзда.

По окончаніи литургіи, юбиляру была поднесена икона св. Николая Чудотворца (во имя храма) отъ духовенства, и о. І. А. Куликовскій прочиталъ привѣтственный адресъ, въ которомъ обозрѣвалась широкая и плодотворная дѣятельность юбиляра и характеризовался онъ, какъ начальникъ и челоувѣкъ. Далѣе отъ городскихъ и сельскихъ прихожанъ была поднесена икона Спасителя и прочитанъ адресъ И. И. Щепиловымъ. Наконецъ, староста собора И. Т. Юдинъ лично отъ себя поднесъ икону преподобнаго Сергія Радонежскаго (патрона юбиляра). О. С. И-чъ отвѣчалъ каждому изъ привѣтствующихъ. Онъ говорилъ о томъ духѣ мира и любви, въ которомъ они всѣ и всегда жили совмѣстно, говорилъ о своихъ личныхъ отношеніяхъ, просилъ простить его, если кому его слова или дѣйствія могли показаться обидными; просилъ молиться за него, когда его не станетъ. Церковь наполнилась плачемъ. Плакали и женщины и мужчины, взрослые и дѣти. Церковное торжество закончилось благодарственнымъ молебномъ и провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Синоду, архипастырямъ и юбиляру. Юбилляръ провозгласилъ многолѣтіе граду, ктитору и молящимся.

Дальнѣйшее чествованіе происходило въ домѣ юбиляра. Духовенство въ облаченіяхъ изъ церкви принесло въ домъ юбиляра поднесенныя иконы. Здѣсь его привѣтствовали различныя депутаціи. Прежде всего привѣтствовалъ С. И-ча отъ имени дворянства Крапивенскій предводитель дворянства П. М. Долинино-Ивановскій. (Потомъ дворяне предлагали ему вписаться въ составъ дворянства тульской губер-

ни, заявляя, что съ него даже не будутъ взяты установленныя пошлины). Затѣмъ отъ земства привѣтствовалъ председатель земской управы Н. А. Игнатьевъ. Отъ города юбиляру поднесъ хлѣбъ соль городской староста Е. И. Юдинъ. Послѣ этого ученицы прогимназіи пропѣли юбиляру специальную кантату и отъ служащихъ въ прогимназіи былъ поднесенъ адресъ. Отъ земскаго училищнаго совѣта привѣтствовалъ юбиляра учитель — инспекторъ Н. Н. Знаменскій. Отъ церковно-приходскихъ школъ были поднесены хлѣбъ—соль и работа ученицъ и юбиляра привѣтствовала учительница Л. И. Шереметьева. Председатель земской управы Н. А. Игнатьевъ охарактеризовалъ юбиляра, какъ земскаго дѣятеля. Рѣчь, характеризующую юбиляра въ различныхъ сторонахъ его дѣятельности, произнесъ почетный попечитель церковно-приходскихъ школъ по Крапивенскому уѣзду А. И. Волюнскій. Привѣтствовалъ юбиляра мѣстный воинскій начальникъ. Привѣтствовалъ мѣстный исправникъ. Юбиларъ отвѣчалъ на каждое привѣтствіе особо. Послѣ юбиляра говорилъ его сынъ — профессоръ Московской дух. Академіи С. С. Глаголевъ. Онъ говорилъ о любви своего отца къ мѣсту своего служенія и къ лицамъ, съ которыми онъ служилъ и служить. Эта любовь объясняется добрыми качествами лицъ, съ которыми совмѣстно работалъ юбиляръ; этими качествами объясняется, что въ различныхъ сферахъ мѣстной жизни создалась благодарнѣйшая почва для плодотворной дѣятельности.

Было прислано юбиляру много привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ. Вотъ — текстъ поднесенныхъ ему адресовъ.

1) Отъ духовенства.

*Ваше Высочайшее,
Глубокоуважаемый Отецъ Протіерей,
Сергій Ивановичь!*

Сегодня исполнилось ровно 50 лѣтъ Вашего служенія въ священномъ санѣ. Наша мысль—Вашихъ подчиненныхъ сослуживцевъ невольно обращается назадъ, чтобы окинуть взоромъ Вашу дѣятельность и труды въ полувѣковый періодъ времени. Тяжелы труды священника православной церкви и несеніе ихъ въ теченіе 50 лѣтъ безъ останову, безъ

ошибки достойно высокой похвалы! Пастырство съ первыхъ же дней своего служенія Вы соединили со школою. Здѣсь Вы начали съ самаго низа, выступая работникомъ въ качествѣ сельскаго учителя, трудясь не покладая рукъ нѣсколько лѣтъ. Ваша энергія, Ваша опытность, Ваша любовь этого дѣла были замѣчены Епар. Начальствомъ и достойно оцѣнены. Изъ зауряднаго работника Вы поставляетесь на мѣсто руководителя, или наблюдателя надъ школами, а затѣмъ, съ открытіемъ Земскаго Училищнаго Совѣта, назначаетесь Еп. властію членомъ этого Совѣта, а въ одно время были даже Предсѣдателемъ Совѣта по выбору, работая и трудясь здѣсь съ честію и похвалою до сего дня. Но Ваша школьная дѣятельность не исчерпывается одною земскою школою. Когда, 25 лѣтъ тому назадъ, раздался призывъ съ высоты духовной власти,—призывъ къ открытію церковныхъ школъ, Вы одинъ изъ первыхъ откликнулись на это святое дѣло. Вы организуете Крапив. Отдѣленіе Тул. Еп. Учил. Совѣта, занявъ въ немъ мѣсто съ самаго начала и до сего дня предсѣдателя. Вы открываете цер. школы по Крапивенскому уѣзду. Своею энергіею будите духъ дѣятельности среди духовенства. Находите средства къ постройкѣ школьныхъ зданій и поставяете дѣло церковной школы въ вашемъ уѣздѣ на должную высоту. Но всѣмъ этимъ далеко еще не исчерпывается Ваша дѣятельность. Какъ человекъ способный, тактичный, дѣятельный, Вы обращаете на себя вниманіе Еп. Начальства и постоянно получаете отъ него разныя назначенія, Вы назначаетесь депутатомъ на епархіальные сѣзды, исполняете обязанность духовнаго слѣдователя и, наконецъ, назначаетесь благочиннымъ, каковую должность съ почетомъ проходите болѣе 25 лѣтъ. Какъ начальникъ—Благочинный, Вы поставили себя въ такое положеніе, что Ваше начальство не составляетъ бремени для подчиненныхъ; и даже болѣе этого: они смотрятъ на Васъ не какъ на начальника, а какъ на отца, всегда стоящаго за правду, руководящаго неопытныхъ и исправляющаго ошибки погрѣшающихъ. Ко всему этому еще нельзя не прибавить: какъ человекъ, Вы имѣете особую, необыкновенную способность собрать, съютировать, организовать около себя кружокъ своихъ собратій. Вы, оставаясь въ преклонномъ возрастѣ бодрымъ и энергичнымъ, сохранили ясность и твердость ума и способность къ работѣ. Вы—

центр духовенства въ г. Крапивнѣ! Мы здѣсь живемъ въ мирѣ и согласіи, въ духѣ Христіанской любви—побратски. Пошли Богъ Вамъ здравія и долголѣтія на многія, многія лѣта! Пошли Богъ, чтобы эти миръ и согласіе между духовными г. Крапивны въ память о Васѣ сохранились во вѣки вѣковъ! Какъ залогъ нашей любви и нашей преданности къ Вамъ примите, Отецъ, отъ насъ икону свят. и чудотворца Николая, подъ покровомъ котораго Вы служили въ теченіе полвѣка.

2) Отъ прихожанъ.

*Глубокоуважаемый Батюшка Отецъ Протоіерей
Сергій Ивановичъ!*

Сегодня въ день пятидесятилѣтняго священствованія Вашего въ этомъ храмѣ, мы, признательные прихожане Ваши, и прихожане общества крестьянъ Пригородной слободы—привѣтствуемъ Васъ.

Примите отъ насъ, батюшка, святую икону Спасителя въ знакъ преданности, любви и уваженія къ Вамъ.

3) Отъ города Крапивны.

*Достоуважаемый Отецъ Протоіерей
Сергій Ивановичъ!*

Мы уполномоченные, какъ представители города Крапивны, привѣтствуемъ Васъ въ день Вашего юбилея по случаю исполненія пятидесятилѣтняго Вашего служенія въ священномъ санѣ. Приносимъ Вамъ глубокую благодарность за Ваши пастырскіе труды въ городѣ Крапивнѣ въ полувѣковой періодъ времени. Благодаримъ Васъ и за то, что Вы, какъ уполномоченный отъ духовенства, принимали много лѣтъ дѣятельное участіе въ Городскомъ Управленіи. Наконецъ, большое Вамъ спасибо, батюшка, и за то, что Вы, какъ законоучитель Прогимназіи, воспитываете нашихъ дочерей; Вы воспитали нашихъ женъ; Вы воспитали цѣлое поколѣніе. Признательные жители города Крапивны—подносимъ Вамъ хлѣбъ—соль.

4) Отъ Крапивенской женской прогимназіи.

Глубокоуважаемый Сергій Ивановичъ!

Нынѣ исполнилось 50 лѣтъ Вашего пастырскаго служенія. Разнообразна и многоплодна была Ваша дѣятельность за это время. Не намъ, конечно, судить о ней и подводить ея итоги. Все служеніе Ваше прошло на глазахъ у многихъ здѣсь присутствующихъ. Не такъ давно (10 октября 1896 года) Ваши сослуживцы по женской прогимназіи отмѣтили Ваши труды и заботы по учебно воспитательной части въ самой прогимназіи. Нынѣ позвольте, Глубокоуважаемый Сергій Ивановичъ, присоединиться къ чествующимъ день пятидесятилѣтняго Вашего пастырскаго служенія, позвольте принести наше искреннее поздравленіе и сердечное пожеланіе Вамъ здоровья, силъ на продолженіе служенія Вашего еще на многіе годы.

Но за юбилеемъ обычно слѣдуетъ некрологъ. Послѣ полувѣковаго служенія церкви и людямъ юбиляръ сталъ слабѣть, по просьбѣ епархіальной власти онъ продолжалъ еще дѣло служенія, его прошеніе объ увольненіи отъ должности предсѣдателя отдѣленія по школамъ не было принято, и архіеп. Пареній и еп. Евдокимъ вмѣсто того, чтобы удовлетворить его, на прошеніи письменно выразили настойчивое желаніе, чтобы онъ продолжалъ дѣло служенія. Но его силы были сломлены, и его дни были сочтены. Онъ долженъ былъ оставить служеніе. Въ самой семьѣ его постигла тяжелая утрата. 2-го мая 1915 г. скоропостижно скончалась на 70-омъ году его свояченица Серафима Никитична Мерцалова, воспитавшая его дѣтей, заботливо ходившая за нимъ и оберегавшая его отъ всякихъ волненій.

Никогда не имѣвшій крѣпкаго здоровья, онъ не имѣлъ и какой-либо опредѣленной болѣзни, онъ только постепенно все болѣе и болѣе терялъ силы, у него очень ослабѣли ноги, ослабѣлъ слухъ, но зрѣніе до конца оставалось прекраснымъ, и его темные глаза были ясны и чисты. Передъ самымъ концомъ онъ какъ бы почувствовалъ нѣкоторое улучшеніе. Прощаясь 2-го іюля съ своимъ младшимъ сыномъ, профессоромъ Московской Духовной Академіи С. С. Глаголевымъ, онъ говорилъ съ нимъ о свиданіи въ сентябрѣ, при чемъ не

сказалъ, что настоящее ихъ свиданіе можетъ быть послѣднимъ, между тѣмъ въ послѣдніе годы при прощаніи онъ всегда ставилъ вопросъ: „дастъ ли Богъ еще увидаться?“. Въ первый разъ вопросъ не былъ поставленъ, и это былъ предзнаменованіемъ, что это свиданіе послѣднее. 17-го іюля утромъ его сынъ стоялъ уже около его бездыханнаго тѣла.

15-го числа протоіерей Сергѣй Ивановичъ чувствовалъ себя хорошо, составлялъ нѣкоторые проекты относительно ближайшихъ дней, но въ то же время дѣлалъ распоряженія, касающіяся смерти, между прочимъ по его распоряженію были сожжены нѣкоторыя письма и бумаги. Ночью онъ почувствовалъ себя дурно, онъ позвонилъ и къ нему явился гостившій у него старшій сынъ Димитрій. Сергѣй Ивановичъ заявилъ, что испытываетъ сильную боль въ груди, и что ему очень плохо. Немедленно послали за духовникомъ свящ. Флегонтомъ Михайловичемъ Бобринскимъ. О. Флегонтъ исповѣдалъ его и причастилъ Свят. Таинъ. Послѣ этого сынъ Димитрій сталъ читать ему молитвы по святомъ причащеніи, Сергѣй Ивановичъ повторялъ за нимъ слова святыхъ молитвъ, затѣмъ опустился на подушку, вздохнулъ и испустилъ духъ въ полномъ сознаніи, котораго никогда не терялъ въ теченіе своей долгой жизни.

Очень скоро около почившаго собралось духовенство. Усопшій былъ облаченъ, имъ было все заранѣе приготовлено къ погребенію. Начались панихиды и непрерывное чтеніе Евангелія. Домъ, который сталъ пустъ, потому что глава его навѣки покинулъ его, сталъ постоянно полонъ, потому что народъ приходилъ въ домъ непрерывно на панихиды, просто помолиться и проститься съ покойнымъ. Совершенно какъ живой, спокойный и серьезный лежалъ онъ въ гробу, величественный въ священническомъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и Евангеліемъ на груди. Вечеромъ 18-го іюля при громадномъ стеченіи народа былъ совершенъ торжественный выносъ тѣла почившаго въ соборъ и совершенъ парастасъ. 19 іюля были совершены заупокойная литургія и отпѣваніе. Служилъ сынъ почившаго протоіерей Димитр. С—чь, участвовало все городское духовенство, участвовали священники и діаконы изъ уѣзда. Послѣ запричастнаго стиха преемникъ почившаго по настоятельству въ соборѣ протоіерей Г. Н. Зеленецкій сказалъ слѣдующее слово.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. *Священницы Твои облекутся въ правду...* Возглавляющій нѣсколько лѣтъ крапивенское духовенство протоіерей Сергій Іоанновичъ склонилъ свою главу. Стоявшій выше другихъ на цѣлую голову теперь лежитъ во гробѣ.

И вотъ мнѣ, младшему его сослуживцу, приходится говорить ему послѣднее слово, надгробную рѣчь. Что реку и что возглаголю? Трудно говорить о такихъ людяхъ. Не потому, чтобы нечего было сказать, а наоборотъ, потому, что ужъ очень много нужно бы и должно сказать. Олѣ такъ много несъ обязанностей, что едва ли кто другой могъ совмѣстить ихъ въ одномъ лицѣ. Хотѣлось бы дать характеристику по всѣмъ многочисленнымъ его обязанностямъ, но боюсь утомить ваше вниманіе.

Разъ человѣкъ отмѣченъ природой по своимъ дарованіямъ, возвышенъ предъ другими своимъ положеніемъ, то естественно въ такихъ людяхъ нужно искать, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь особеннаго, нѣтъ ли чего-либо такого, что могло бы послужить примѣромъ и урокомъ для насъ въ жизни. Чтобы отвѣнить особо заслуживающее вниманія качество покойнаго протоіерея Сергія Іоанновича, я сравню и противопоставлю его одному ветхозавѣтному лицу.

Новопреставленный протоіерей Сергій Іоанновичъ былъ настоятелемъ этого храма, такъ сказать, первосвященникомъ. Въ ветхомъ завѣтѣ, въ одно время, при храмѣ, который тогда назывался скиніей, былъ первосвященникъ Илій. У него было два сына. Эти сыновья были плохого поведенія, и отецъ на это, по своему слабому характеру, не обращалъ вниманія и не училъ, не вразумлялъ дѣтей. За это Богъ на него прогнѣвался. Черезъ пророка Самуила было открыто Илію, что такъ какъ онъ небрежетъ о своихъ дѣтяхъ, плохо ихъ учитъ и они худо ведутъ себя при храмѣ, за это весь домъ Ілія истребится. Ілій съ покорностію выслушалъ свой приговоръ. И дѣйствительно, вскорѣ несчастнымъ образомъ погибли его дѣти и онъ самъ.—Не то мы видимъ здѣсь. У покойнаго также два сына. Но какъ они воспитаны? Протоіерей Сергій Іоанновичъ старался и заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, внушалъ имъ страхъ Божій, почтеніе и уваженіе къ родителю и старшимъ, прививалъ достоюдолжныя отношенія къ другимъ, однимъ словомъ, старался сдѣлать ихъ хорошими

людьми и полезными гражданами. Онъ заботился о главномъ, чтобы у человѣка была хорошая душа. Правдивость и честность у него были на первомъ мѣстѣ. Занимая высокое положеніе, онъ былъ свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, поставленнымъ на высокомъ пьедесталѣ. На него смотрѣли всѣ, къ его голосу прислушивались и съ его мнѣніемъ считались. На всѣхъ собраніяхъ голосъ его былъ авторитетенъ и властенъ. Это потому, что онъ не былъ мелочень, не былъ односторонень. Онъ разсматривалъ предметъ съ разныхъ сторонъ и всегда умѣлъ выбирать въ немъ самое главное, на что и обращалъ вниманіе другихъ, при рѣшеніи разныхъ вопросовъ.

Его называли строгимъ. Да, онъ былъ строгъ. Но эта строгость растворялась любовью. Онъ желалъ каждому добра. Что такое была эта строгость? Его строгость выражалась въ неуклонномъ требованіи, чтобы человѣкъ не забывался, зналъ свои границы, не выходилъ, такъ сказать, изъ рамокъ. У всякаго есть свои слабости и недостатки. Покойный обладалъ способностію распознавать людей и проникать въ тайники скрываемыхъ недостатковъ. Онъ не стѣснялся указывать эти недостатки. Въ этомъ случаѣ всѣ были для него одинаковы: бѣдный, богатый и человѣкъ съ положеніемъ. Вотъ эта-то правда, имъ высказываемая, нѣкоторымъ, конечно, не нравилась. „Правда глаза колеть“, говоритъ русская пословица, и правдивость покойнаго укалывала самолюбіе. Нѣкоторые боялись его. Въ дѣйствительности же они боялись не его, а той правды, которую высказывалъ покойный, или, вѣрнѣе сказать, боялись того своего недостатка, который обнаруживался въ данномъ случаѣ. Несмотря на это, тѣ лица, которыя получали отъ почившаго замѣчанія, опять тяготѣли къ нему, какъ будто въ немъ былъ какой то притягивающій магнитъ. Почему? Да потому, что замѣчанія были справедливыми; они хотя и укалывали на время самолюбіе, но зато послѣ приносили пользу. Да, въ немъ было что-то особенное, влекущее. Нѣкоторые великое счастье и удовольствіе испытывали тогда, когда говорилъ съ ними покойный.

Такъ вотъ какая была эта строгость! Онъ желалъ того, чтобы всякій исполнялъ свой долгъ, былъ правдивъ и честенъ. Если бы каждый относился съ такою строгостию къ самому себѣ и къ другимъ, то не было бы той разпуздан-

ности, которая такъ часто въ настоящее время встрѣчается среди нашей молодежи. И это отъ того, что почти никто на эту важную сторону русской общественной жизни не обращаетъ вниманія. Родители какъ бы закрываютъ глаза на поведеніе своихъ дѣтей, а постороннимъ до нихъ нѣтъ дѣла, да и самолюбіе родителей не позволяетъ, чтобы дѣлались замѣчанія ихъ дѣтямъ посторонними лицами. Покойный не выносилъ распушенности, смѣха и разговоровъ во время крестныхъ ходовъ и часто дѣлалъ замѣчанія тутъ же. Не выносилъ онъ безъ призора стоящихъ въ храмѣ дѣтей и своимъ поведеніемъ напоминающихъ дѣтей ветхозавѣтнаго первосвященника Ілія. Распушенность молодежи и небреженіе родителей о благоповеденіи дѣтей, быть можетъ, были одними изъ главныхъ причинъ неисполненнаго намъ Провидѣніемъ наказанія въ видѣ настоящей злосчастной войны.

Такъ пусть же имѣющіе дѣтей, при воспитаніи ихъ, имѣютъ эту строгость почившаго протоіерея Сергія Іоанновича, строгость растворенную любовью. Тогда подрастающее поколѣніе дастъ хорошихъ людей и полезныхъ членовъ общества и государства. Аминь.

Предъ отпѣваніемъ произнесъ рѣчь сынъ покойнаго профессора С. С-чъ.

Почитатели усопшаго! Настоятель храма нашего только что назвалъ дѣтymi сыновей почившаго, а дѣтей, лишившихся родителей, называютъ сиротами. Но что такое дѣти? это—существа сами по себѣ безпомощныя, не знающія среды, въ которой живутъ, не имѣющія средствъ и не умѣющія къ ней приспособиться, а сирота, это тоже безпомощное дитя, но которому никто не обязанъ помогать. Странное зрѣлище представляется у этого гроба. Стоять два сына—дѣти почившаго, сироты, но каждому изъ этихъ дѣтей болѣе пятидесяти лѣтъ и уже болѣе четверти вѣка каждый изъ нихъ служить и помогаетъ другимъ.

Конечно, не въ словахъ дѣло. Но вотъ, что отъ всей души и отъ всего сердца скажу я: по отношенію къ почившему до послѣднихъ дней мы были дѣтymi и теперь, потерявъ его, потеряли руководителя, въ которомъ нуждались до могилы. Вѣдь на самомъ дѣлѣ не одни дѣти, а всѣ не имѣютъ знанія дѣйствительности и правильнаго пониманія окружаю-

щаго, а что касается до помощи, то мы беспомощны всѣ, о чемъ говорить и этотъ гробъ.

Но въ разной мѣрѣ мы не знаемъ жизни и въ разной мѣрѣ беспомощны. Почившій стоялъ неизмѣримо выше насъ—своихъ дѣтей—въ дѣлѣ пониманія и силы.

Въ теченіе своей почти семидесяти семи лѣтней жизни онъ никогда не терялъ ясности сознанія и чувства правды и былъ для насъ разумомъ, совѣстью и радостью.

Разумъ и совѣсть! Обыкновенно представляютъ, что на пути жизни люди теряютъ совѣсть и приобрѣтаютъ разумъ. Это не вѣрно. Теряя совѣсть, люди теряютъ и разумъ. Потеря разума заключается въ томъ, что человѣкъ, дешевое цѣнить выше дорогого: яйцо цѣнить дороже курицы и платье дороже человѣка. Потеря совѣсти состоитъ въ томъ, что, стремясь—все равно къ дешевому или дорогому—человѣкъ не разбирается въ средствахъ, вмѣсто того, чтобы заработать деньги, вскрываетъ чужой ящикъ съ деньгами.

Жизнь сложна и трудна, она полна искушеній и опасностей. и почти всякій можетъ сказать, что, какъ ягненокъ на рѣпьяхъ, на жизненномъ пути развѣялъ въ прахъ своей души онъ дарованья.

На свѣтѣ очень много бородатыхъ ягнятъ, которые принимаютъ рѣпьи за смоквы. Отецъ училъ насъ различать тѣ и другія. Онъ предостерегалъ насъ своимъ примѣромъ отъ стремленія къ сомнительнымъ благамъ и отъ употребленія для этого нечестныхъ средствъ. Въ угарѣ жизни меня, готоваго пасть предъ искушеніемъ, иногда останавливалъ образъ моего отца, одно воспоминаніе о немъ. Желаніе имѣть разумъ и совѣсть отца удерживало меня отъ неразумнаго и безсовѣстнаго.

Но отецъ не былъ разумомъ, состоящимъ изъ скучныхъ сентенцій, и совѣстью, отвертывающеюся отъ всего сладкаго. Нѣтъ, онъ любилъ чистыя радости жизни и училъ насъ любить ихъ. Христіанство не запрещаетъ, а одобряетъ это. Христосъ началъ свое служеніе не съ того, что выгналъ торгующихъ изъ храма, а съ того, что явился на бракъ, благословилъ любовь жениха и невесты и претворилъ воду въ вино къ радости пирующихъ. Отецъ любилъ красоту природы, голубое небо, какъ пынь; цвѣты, какъ тѣ, которые лежатъ на его гробу; общество добрыхъ людей, какъ го, которое те-

перь провожаетъ его въ послѣдній путь. Онъ видѣлъ Бога въ природѣ и находилъ Бога въ сердцахъ людей. Послѣднее гораздо труднѣе! Послѣднему онъ всего болѣе служилъ: онъ училъ насъ мирить, а не ссорить; оправдывать, а не обвинять. Горе моей жизни заключается въ томъ, что я былъ плохимъ ученикомъ собственнаго родителя.

Онъ подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ вѣру соблюлъ, теперь ему соблюдается вѣнецъ правды, какъ онъ соблюдается всѣмъ, возлюбившимъ ученіе Христа.

Онъ сошелъ во гробъ и немного спустя сойдетъ въ могилу. Но какъ разумъ, какъ совѣсть, какъ чистая радость, онъ нуженъ мнѣ до самой могилы, и въ томъ, что его уже нѣтъ болѣе, можетъ, быть, нужно видѣть указаніе Провидѣнія. Руководитель нуженъ дѣлателью, а мое дѣло, можетъ быть, уже недалеко отъ своего конца.

До недалекаго свиданія, отецъ!

Предъ чтеніемъ 1-го Апостола на погребеніи уѣздный наблюдатель протоіерей А. А. Вьюковъ сказалъ слово, въ которомъ развилъ взглядъ христіанской церкви на смерть и выяснилъ, на чемъ утверждаются надежды христіанъ на жизнь вѣчную. Перейдя къ почившему, проповѣдникъ охарактеризовалъ его какъ энергичнаго, разумнаго труженика на нивѣ Христовой, какъ образцоваго духовника и примѣрнаго законоучителя. Указавъ на истинно христіанскую кончину почившаго, проповѣдникъ закончилъ свою рѣчь словами прорѣтаго вслѣдъ засимъ прокимна: *блаженъ путь, въ онъ же идеши днесь душе.*

Въ два часа дня съ плачемъ опустили тѣло почившаго въ могилу около храма, которому онъ служилъ болѣе полвѣка, среди города, которому онъ отдалъ всю свою жизнь.

Тѣ, которые начинали свою дѣятельность вмѣстѣ съ нимъ, всѣ сошли въ могилу раньше его. Около его гроба не было не только сослуживцевъ его по 60-мъ, но и по 70-мъ годамъ. Только могилы нѣкоторыхъ изъ нихъ нахсдятся около его могилы. Его сыновья въ нѣкоромъ смыслѣ оказались одними изъ старѣйшихъ среди его соработниковъ. Съ нимъ сошла въ могилу цѣлая эпоха.

С. Глаголювъ.